

Проснувшись, У Ваньи больше не пытался уснуть.

В одиночестве, сидя у изголовья кровати, он предавался мыслям. Думал о прошлом, о настоящем, о собственной жизни, которая неумолимо близилась к концу.

Под конец его захлестнуло щемящее чувство пустоты, словно сквозь пальцы утекал сухой песок, который уносило первым же порывом ветра.

Но на душе вдруг стало удивительно легко.

Наконец он повернул голову и посмотрел на умиротворенное лицо спящего Ми Юньцзиня. Все мысли мгновенно улетучились.

Почувствовав, как в окно бьет яркий солнечный свет, Ми Юньцзинь открыл глаза и медленно сел в постели.

— Доброе утро.

Услышав приветствие, он повернулся. У Ваньи стоял у распахнутого окна, залитый лавиной солнечного света, отчего весь его силуэт казался ослепительно ярким.

Взгляд Ми Юньцзиня потеплел.

— Доброе утро, — улыбнулся он.

День снова выдался ясным и безоблачным.

Лазурное небо и теплое солнце невольно навевали покой и радость.

Первым делом по утрам Ми Юньцзинь всегда поливал цветы. С лейкой в руках он ласково разглядывал пышно разросшиеся розы.

У Ваньи шел следом, не отрывая взгляда от его распушенных волос.

Теперь, когда Ми Юньцзинь больше не скрывал седину, его волосы ослепительно сияли на солнце, напоминая не растаявший к весне снег.

Вдруг Ми Юньцзинь замер. У Ваньи тоже остановился, заметив, что его спутник разглядывает

кокон на древесном стволе.

Кокон был живым: посередине темнела узкая трещина, сквозь которую кто-то отчаянно пытался выбраться наружу.

Ми Юньцзинь смотрел на него тепло, сосредоточенно и бережно.

В это мгновение невзрачный кокон обрел ту же священную ценность, что и любая другая жизнь на земле.

Ветер утих. Даже листья, трепетавшие в пятнах солнечного света, казались ласковыми ладонями самой природы.

В безмолвном воздухе все сущее замерло в ожидании чуда рождения.

У Ваньи ощутил, как его душу затапливает первозданный покой.

Раньше он думал, что жизнь должна быть либо великой и яростной, либо жалкой, как придорожная пыль.

Словно ты либо хищник на вершине пищевой цепочки, либо ничтожное насекомое, раздавленное чужой подошвой.

Но оказалось, жизнь устроена совсем иначе — она удивительно проста.

Стойкость и борьба — это лишь твой собственный путь, не требующий чужих глаз.

Яркие, пестрые крылья с усилием расправились, очертив на коре широкую, трепещущую тень.

Стоило бабочке сделать первый взмах, как в сердце У Ваньи словно ударил глухой колокол.

— Ну чего ты плачешь?

Мягкие пальцы коснулись его век. У Ваньи вздрогнул, провел ладонью по щеке и лишь тогда понял, что плачет.

Он уже и забыл, когда плакал в последний раз — за долгие годы эта способность попросту атрофировалась.

Но за последние недели слезы лились так, будто он пытался выплакать все, что накопилось за

десять лет пустоты.

Заглянув в глаза Ми Юньцзиня, он прошептал:

— Просто... мне никогда еще не было так спокойно.

— Когда сердце находит приют, приходит и покой.

Ми Юньцзинь опустил взгляд на влажный след на своем пальце, а затем посмотрел вслед улетающей бабочке.

У Ваньи слабо улыбнулся сквозь новые слезы.

Вглядываясь в серебряные нити в его волосах, он отер щеки.

— Ты прав.

Никогда прежде У Ваньи не чувствовал себя настолько сильным и свободным от страха.

Подавшись вперед, он коснулся губ Ми Юньцзиня поцелуем.

Тот на мгновение замер, и его руки бессильно опустились.

Ветер растрепал длинные волосы Ми Юньцзиня, скользнув тонкими прядями по лицу У Ваньи.

Сквозь кроны деревьев просеивался неровный свет. Они смотрели друг другу в глаза — и в этих взглядах смешивались нежность и глубокая тоска.

С тех пор как бутон внутри него начал наливаться багрянцем, его рост ускорился стократно.

Мутация брала свое, и тело У Ваньи отзывалось на нее все более мучительной лихорадкой.

Он кожей чувствовал, как бутон рвется наружу, изнывая от жажды и требуя влаги, которую мог дать только Ми Юньцзинь.

Эта ненасытная, животная потребность подчиняла себе разум У Ваньи. Каждый раз, глядя на возлюбленного, он едва справлялся с голодной дрожью во взгляде.

Не желая выдавать эту темную, хищную страсть, он поспешно опустил ресницы.

Он не знал, как назвать то, что чувствовал к Ми Юньцзиню.

Порой на него накатывало удушающее бессилие.

Зачем говорить о любви тем, кто уже стоит на пороге могилы? Любые слова казались бессмысленными.

У Ваньи отстранился и отвернулся.

Но Ми Юньцзинь перехватил его руку, прижатую к животу, сделал шаг навстречу и сам вовлек его в поцелуй.

Его золотистые глаза смотрели в упор, завораживая и подчиняя своей безграничной нежности.

Теплые губы вновь окрасились ярким багрянцем.

Зрачки У Ваньи расширились. Подчиняясь дикому инстинкту, он начал жадно глотать сладкий нектар, прильнув к чужим губам.

Так изнывающий от жажды путник бросается к источнику в пустыне.

Но влага не приносила облегчения — жажда лишь разгоралась сильнее. Теряя рассудок, он присосался к нему, вытягивая жизненные силы без остатка.

Лишь заметив, как стремительно мертвеет лицо Ми Юньцзиня, он словно очнулся от удара.

Насыщение принесло лишь горечь и стыд.

Животный голод заставлял тянуться к спасительному источнику, в то время как разум умолял прекратить эту пытку.

Удовлетворение мешалось с агонией.

Эта жестокая внутренняя борьба разрывала его на части.

Наконец они отпрянули друг от друга. Между их губ натянулась тонкая нить слюны, окрашенная кровью.

У Ваньи долго, не мигая, всматривался в осунувшееся лицо возлюбленного.

Он коснулся его виска, пропуская сквозь пальцы безжизненные седые пряди. Губы исказились в улыбке, которая выглядела горше любых слез.

Но Ми Юньцзинь лишь безмятежно улыбался в ответ, словно тихая река, уносящая прочь все тревоги и страхи.

Ми Юньцзинь увядал на глазах.

Старость настигала его так быстро, что У Ваньи боялся даже думать о том, что ждет их впереди.

Это случилось обычным, ничем не примечательным утром.

Ми Юньцзинь вдруг повернулся к нему и тихо спросил:

— Болит?

У Ваньи вздрогнул. Кончики пальцев онемели. Он со страхом уставился на мужчину.

Ведь точно такой же вопрос Ми Юньцзинь задавал всего два часа назад.

— Нет, — хрипло ответил У Ваньи, не сводя с него глаз. — Не болит.

Ми Юньцзинь отвел взгляд и облегченно вздохнул:

— Вот и хорошо.

По лицу Ми Юньцзиня скользнула тень растерянности.

— Я уже поливал сегодня цветы? — спросил он.

У Ваньи почувствовал, как сердце ухнуло в бездну, а горло сдавило спазмом.

С трудом протолкнув воздух, он выдавил:

— Да. Поливал.

Мужчина мягко улыбнулся:

— Вот и славно.

У Ваньи молча смотрел на него. Спустя мгновение Ми Юньцзинь снова повернулся:

— Болит?

— Нет...

Голос У Ваньи сорвался на шепот.

— Вот и хорошо.

У Ваньи резко отвернулся, не в силах больше это выносить. Схватившись за воротник, он судорожно глотал воздух, удушаемый подступающими рыданиями.

Отчаяние и глухая тоска затопили его с головой.

Сквозь пелену слез мир расплывался. Он ссутулился, вздрагивая всем телом, словно сухая ветка под порывом бури.

Но ломаться сейчас было нельзя. По крайней мере, не на глазах у Ми Юньцзиня.

Запрокинув голову, У Ваньи зажмурился и сделал глубокий, медленный вдох.

Небо оставалось пронзительно синим, дул легкий ветерок.

Закончив с поливом роз, У Ваньи вернулся на террасу и застал Ми Юньцзиня спящим в шезлонге.

Тихо подойдя ближе, он взгляделся в его бледное лицо и прикрыл ладонью глаза спящего от палящих солнечных лучей.

Длинные ресницы дрогнули. Ми Юньцзинь медленно открыл глаза, с трудом фокусируя взгляд на У Ваньи, и слабо улыбнулся:

— Я заснул?

— Да, — тихо отозвался тот.

Ми Юньцзинь прикрыл глаза, не делая попыток подняться.

— В последнее время совсем разленился, даже шевелиться не хочется.

— И не нужно, отдыхай.

Что-то в этих словах заставило Ми Юньцзиня тихо рассмеяться.

— Надо же, никогда бы не подумал, что услышу от тебя подобное.

У Ваньи не отводил взгляда.

— А разве я не прав?

Ми Юньцзинь посмотрел сквозь пальцы У Ваньи на пробивающееся солнце и вздохнул:

— Прав, конечно.

Немного помолчав, он спросил:

— Который час?

У Ваньи взглянул на циферблат наручных часов. Стрелка указывала на три.

— Уже пять вечера, — спокойно соврал он.

На лице Ми Юньцзиня отразилось минутное замешательство.

Бутон внутри У Ваньи рос стремительно, требуя насыщения по несколько раз в сутки.

Ми Юньцзинь мог забыть любую мелочь, но только не это. И все же слабеющий разум подводил его все чаще.

Чтобы уберечь У Ваньи от приступов голода, они установили строгий распорядок.

Кормление должно было проходить в девять утра, в полдень, в три часа дня, в шесть вечера и перед сном.

Всего за три дня этот безумный ритм выжал из Ми Юньцзиня последние соки — его длинные шелковистые волосы окончательно поблекли и утратили былой блеск.

У Ваньи молча смотрел на него, стиснув зубы.

— Посплю еще часок и поднимусь, — пробормотал Ми Юньцзинь.

— Хорошо, — выдавил У Ваньи.

Но часового сна не вышло — уже через тридцать минут Ми Юньцзинь снова провалился в глубокое забытие.

Вглядываясь в его мерное дыхание, У Ваньи шумно сглотнул и осторожно взял мужчину на руки.

Силы покидали его самого: истощенный болезнью и мутацией, У Ваньи тяжело, со свистом задышал, едва оторвав легкое тело Ми Юньцзиня от сиденья.

И все же он удержал его. Усевшись обратно в шезлонг, он крепко прижал к себе спящего мужчину и принялся молча смотреть на затухающий горизонт.

Пока солнце окончательно не скрылось за чертой горизонта.

Ночью У Ваньи лежал в постели, свернувшись калачиком. Живот изнутри распирало от невыносимого, жгучего зуда, заставляя его глухо стонать. Сквозь пелену боли он заметил колышущуюся занавеску и вяло подумал, что забыл закрыть окно на ночь.

Ночной ветер трепал тонкую ткань, приоткрывая висевшую в небе холодную, идеально круглую луну. Ее призрачный свет превращал колышущиеся складки штор в набегающие морские волны.

Завороженный этим зрелищем, У Ваньи вспомнил кроткую улыбку Ми Юньцзиня, и в его голове внезапно вспыхнула шальная мысль.

Он должен показать ему настоящее море.

Эта идея мгновенно пустила глубокие корни, вытесняя любые другие думы.

Все остальное разом потеряло смысл. Желание было настолько яростным, что перехватило дыхание.

В темноте его глаза лихорадочно блестели.

Очередной приступ боли скрутил его внутренности. На животе проступило золотисто-багровое клеймо. Лепестки паразитического цветка, прежде плотно сжатые, теперь начали раскрываться, сочась липкой влагой и пожирая своего носителя.

У Ваньи выгнулся дугой. Дыхание сделалось обжигающе горячим.

Лихорадочный румянец пополз от шеи к скулам. Он казался пьяным: изнывающая от жара кожа покрылась влажной испариной и порозовела от возбуждения.

Ему жизненно необходима была прохладная, сладкая роса Ми Юньцзиня, чтобы унять этот внутренний пожар.

Хрипло вскрикнув, У Ваньи вцепился зубами в собственные пальцы. Слюна текла по руке, пачкая кожу горячей липкой влагой.

Горло судорожно сжималось, но сколько бы он ни глотал, жажда лишь усиливалась.

Иностранное тело внутри пульсировало. Из пупка с жадной настойчивостью показался нежно-розовый бутон, раскрывая лепестки навстречу желанной влаге.

Мутировавший бутон, познавший некогда сладость чужого сока, теперь изнывал от иссушающей пустоты, требуя новой порции живительной влаги.

У Ваньи в панике кусал ладонь, пачкая пальцы слюной.

Из-за слишком частых кормлений его организм претерпел необратимые изменения. Он уже сам не понимал, осталось ли в нем хоть что-то человеческое.

Даже слюна теперь пахла нектаром Ми Юньцзиня — тонким, едва уловимым сладковатым ароматом. Облизывая искусанные пальцы, У Ваньи снова и снова сосал их, пытаясь обмануть собственный голод.

Эта дикая жажда буквально выпотрашивала его изнутри.

Но он так и не повернулся к спящему рядом Ми Юньцзиню.

Он смертельно боялся, что если поддастся искушению, то выпьет чужую жизнь до капли.

Всю ночь У Ваньи провел в тисках этого удушающего кошмара. Когда рассвело, он посмотрел на спящего мужчину лихорадочным, голодным взглядом.

— Доброе утро, — прохрипел он, судорожно сглотнув набежавшую слюну. В его севшем голосе отчетливо слышался животный голод.

Ми Юньцзинь, чье восприятие уже изрядно притупилось, не заметил неладного.

— Доброе утро, — мягко отозвался он.

Заметив на его висках новые серебряные пряди, У Ваньи с силой сжал кулаки, подавляя желание впиться зубами в собственную ладонь, и заставил себя проглотить скопившуюся горечь вместе с сосущей пустотой.

Ми Юньцзинь неумолимо увядал день за днем. И У Ваньи, не в силах остановить этот процесс, мог лишь бережно растягивать те жалкие крупички времени, что им оставались.

<http://bllate.org/book/20309/2214557>